

Галина Голицына

Конец света

Книга 1

Глава 1. Солнечное затмение

Всё начиналось вполне невинно и даже мило: у меня на ноге случился перелом. По счастью, сломалась не вся нога, а только палец, но гипс наложили выше щиколотки, и я тут же превратилась в уточку-хромоножку. Особой боли не было, особых неудобств — тоже. Перемещалась я теперь хоть и не на двух ногах, но и не на одной, а так, на полутора: делала полновесный шаг здоровой правой ногой и шаг приставной — загипсованной левой, опираясь на пятку.

И всё бы ничего бы, да событие это сильно спутало мои планы и надежды. Дело в том, что на 11 августа был назначен конец света в связи с ожидаемым солнечным затмением, и всё прогрессивное человечество с весёлым ужасом ожидало Судного дня. Во всех обстоятельных беседах, во всех бытовых разговорах на ходу рефреном звучало: «Мы, конечно, не верим этой ерунде, но... А вдруг правда?...». Этот здоровый дебилизм передался и мне. Я подумала, что

наблюдать конец света интереснее всего там, где он будет наиболее полным. А максимальный процент затмения обещали на югах, в частности, на Черноморском побережье. Это было очень кстати. Толпы отдыхающих кругом, — а на миру, как известно, и смерть красна. Двухмесячное отсутствие дождя, раскалённый воздух, море, прогретое до температуры лечебной ванны — в общем, самая что ни на есть курортно-пляжная погодка. А перед обещанным отбытием в мир иной хорошо бы напоследок хватануть нехитрых радостей земного бытия. Словом, ничего другого не оставалось, надо было ехать в Крым.

Да что я всё о себе, любимой... Я же не одна живу на белом свете. Вокруг меня копошится столько народу: суеверная и суетливая мама, весёлый и безалаберный папа (папа-растяпа, как ласково зовут его в семье), мой серьёзный и страшно положительный брат, его невероятно умная и невероятно красивая жена, их прелестные дочки-близняшки — вот нас сколько! Правда, брат со дня своей женитьбы живёт отдельно от нас (меня, мамы и папы-растяпы), но пред грозным ликом надвигающегося катаклизма я решила сплотить семью, чтобы счастье было полным и неотвратимым, как в сказке: «... и умерли в один день».

Брат, правда, не собирался ни умирать, ни

пляжничать. Он лениво, как Бурёнка от слепней, отмахивался от моих просьб, вздыхая:

— Ну какой там Крым? У меня сейчас самая работа, клиент валом валит, я круглосуточно то на телефоне, то на переговорах...

Брат мой трудится в должности директора турагентства. Летом у них самая что ни на есть работа, и изымать его из оборота-круговорота именно в августе — это, конечно, большое свинство с моей стороны. Но такой уж у меня характер: если чего решила — всё. Костями лягу, но своего добьюсь. Кремень, а не характер. Стою скалой гранитной, нерушимой. Стою насмерть до тех пор, пока сама не передумаю. А всякие невнятные отговорки типа «запарка на работе», «дел много», «денег нет» меня только смешат. Да и то не сильно.

Но на сей раз я повела атаку по всем правилам, очень умно и хитро (так мне казалось):

— Витенька, ты бездушный эгоист. Клиентам — совершенно чужим людям — ты шикарные кругосветки организовываешь, а родная жена всё лето в пыльном городе сидит...

— Мы с ней осенью в Японию летим.

— Да уж, в Японию... Вы по три раза на год то летите, то плывёте, а дети?

— Им хорошо на даче с бабушкой.

На даче с бабушкой, Витиной тёщей, им действительно было хорошо: вольготно, весело,

надёжно. Я знала это доподлинно, но продолжала противно канючить:

— Что ж, они не такие, как все? Всех на лето к морю везут, а наши — что, не заслужили?

— До трёх лет детям не рекомендуют менять климатическую зону, — пояснял мой начитанный и рассудительный брат.

— А им уже три с половиной! — торжествовала я. — По всем правилам выходит — пора. Да ты и о себе подумать должен. На тебя смотреть жалко: похудел, пожелтел, осунулся, одистрофился...

Враньё, конечно, было полное. Брат являл собой образец не дистрофика, а былинного богатыря: та же стать, тот же рык, та же русая головушка, шёлкова бородушка (лопатообразная), та же извечная славянская синь в глазах и широта души — ну, необыкновенная.

То есть и ежу было понятно, что я бессовестно вру, но я смело продолжала подлизываться:

— Не жалеешь ты себя, соколик наш ясный! И всё-то ты в трудах, всё-то в заботах! — Мне казалось, я верно нащупала интонацию: «Плач Ярославны», ни больше ни меньше. — Всё деньги зарабатываешь, а зарабатываешь трудовую инвалидность. — Тут я на всякий случай суеверно прикусила язык, потом вдохновенно продолжила: — И на кого мы все останемся? Ты же столько

народу на себе тянешь!

Вот что правда, то правда. Считается, что на свои доходы Витя содержит себя, жену, детей, тещу, своих родителей и меня, бестолковую.

Ну, что касается жены и детей, это понятно и нормально. Что же касается тещи, то тут вышла такая история. Когда красавица Стелла родила двойню, в одночасье превратив свою моложавую мать в многодетную (многовнуковую?) бабушку, у новоявленной бабушки случился несильный, но продолжительный сердечный припадок. Выйдя из припадка, она тут же вошла в ступор и долго отказывалась понимать, что два возникших из небытия орущих младенца — её родные внуки, её кровиночки, коих полагается любить, холить и лелеять. Она спасалась от них бегством на работу, где сидела до позднего вечера, изображая из себя незаменимого работника, и, видимо, рассчитывала отсидеться там ближайшие два десятилетия — до совершеннолетия кровиночек. Доходило до абсурда. Поскольку Стелла с Витей, измученные ночью детским криком, днём засыпали в любой позе, в любом месте и по любому поводу (лёжа в ванне, сидя на унитазе, стоя у плиты над половодъем сбежавшего молока), мы с мамой по очереди ходили им помогать. Мы кормили, купали, укачивали детей, стирали и гладили монбланы пелёнок и эвересты распашонок, убирали квартиру

и готовили обеды на всю их семью. А что было делать? Стеллу и Витю мы искренне жалели, в детей как-то сразу влюбились и даже почти не обижались на их младенческий эгоизм и некрасивую привычку просыпаться и орать по очереди, из-за чего один из младенцев постоянно находился на руках и в другой комнате, на безопасном расстоянии от младенца спящего. И ведь правду говорят: между близнецами существует необъяснимая телепатическая связь. Как только орущий младенец успокаивался и засыпал, второй тут же с готовностью подхватывал эстафету, немедленно просыпался и орал не своим голосом. Никто из них ни разу не подвёл другого, не перепутал очерёдность, не проспал, и потому ор в квартире стоял круглосуточно. В глазах молодых родителей тоска становилась всё беспросветнее, и я душой, затылком, кожей чувствовала, как сильно им хочется повыбрасывать кровиночек в окно. Вот это был настоящий конец света! Я жалела бестолковых кровиночек, жалела их истерзанных родителей, в дни своего дежурства старалась переделать в их доме как можно больше работы, а в те дни, когда вахту несла мама, я заваливалась спать чуть ли не в семь часов вечера, чтобы набраться побольше сил и как можно лучше отстоять пост у колыбелек.

Ближе к десяти вечера подгребала хозяйка

дома и, поедая приготовленный мамой обед, у мамы же искала сочувствия:

— Представляете, что мне приходится терпеть? А ведь мне утром на работу!

— Мы с Ниночкой тоже работаем, — устало напоминала мама.

— Да что там вы! — презрительно отмахивалась та. — Вы домой пришли и спокойно спите. А мне предстоит этот концерт всю ночь слушать.

— Я слушаю его с трёх часов дня.

Сообразив, что сочувствия здесь не дождётся, эта непонятая и страдающая женщина закатывала глаза и удалялась в свою комнату обижаться на несправедливую судьбу-злодейку. Она очень радовалась удачному замужеству дочери (мой брат по всем параметрам был блестящей партией), но как-то выпустила из виду, что дети случаются даже вне брака, а уж в браке-то — сплошь и рядом. И очень почему-то досадовала на нас с мамой, как будто мы им этих детей наколдовали.

Я думаю, что этот цирк, этот театр абсурда мог бы продолжаться до сих пор, но случилось непредвиденное: трудовой героизм моложавой бабушки не понравился начальнику отдела. У него была безобидная привычка время от времени по вечерам устраивать на своей территории посиделки-выпивалки для своих друзей —

начальников других отделов — и их аппетитных секретарш. Понятно, что трудовое рвение женщины предпенсионного возраста не вписывалось в этот распорядок дня, то есть вечера. В первый вечер он неосмотрительно похвалил её за прилежание. Через неделю недоуменно приподнял брови. Еще через какое-то время, когда в очередной раз оказалось, что посиделки опять срываются, руководитель открытым текстом попросил трудовую героиню встать и пойти домой, тем более что занята она была не работой, а рассматриванием дамского журнала. Героиня объяснила, что на своём рабочем месте она имеет право сидеть хоть круглосуточно, и снова осталась до позднего вечера. Когда разъяренному начальнику добрые люди пояснили смысл её сидячей забастовки и он понял, что конца этому не будет, то решил вопрос кардинально: спровоцировал ссору, переросшую в конфликт, предложил ей увольняться подобру-поздорову и поклялся, что в любом случае добьётся её сокращения. Она, вспыхнув, тут же написала заявление об уходе, а он тут же его подписал.

Так трудовая героиня в одночасье лишилась тихой гавани, где могла прятаться от реальной жизни с восьми утра до десяти вечера. Ошарашенная и притихшая, она вернулась домой в середине дня с потрясающей новостью. Обрадованная Стелла вручила ей младенцев, и

незаменимый работник и ярая общественница тут же, как по щучьему велению, превратилась в любящую бабушку, милую и домашнюю женщину. Она сама назначила себя главной опекуной девочек. Сначала, подозреваю, она делала это назло несправедливому начальнику и всему белому свету, а потом просто втянулась. И даже разгадала секрет, как утихомирить этих крикушек. Она укладывалась посреди своей широкой кровати, брала одну внучку под правое крылышко, вторую — под левое, и девочки, уткнувшись своими носиками-кнопочками в большую и тёплую бабушку, мирно сопели два-три, а то и четыре часа подряд, чего раньше с ними никогда не случалось. А бабушка в это время млела и балдела, таяла и растекалась сладким сиропом.

Быстро придя в себя в тишине и покое, мой эрудированный брат тут же вспомнил, что малыши должны слышать стук сердца, чувствовать тепло и дыхание взрослого, тогда их охватывает чувство покоя и защищённости. А родители клали их то в манеж, то в коляску, но никому из них не пришло в голову обкладываться детьми, как грелками.

С тех пор многодетная бабушка каждому свежему человеку рассказывает со светлой печалью сказку о том, что она исключительно ради внучек бросила блестящую карьеру (в занюханной конторе уже почти не работающего завода), а Стелла с

Витей тихо счастливы, ведь наёмной няне пришлось бы платить немалые деньги (близнецы — это вам не шуточки), и это была бы чужая женщина, а так всё-таки родная бабушка.

Маме моей в этом году исполнилось пятьдесят пять лет, и она с чувством глубокого удовлетворения вышла на пенсию. Деньги это, сами понимаете, символические, и без финансовых вливаний моего брата жить было бы тяжело. Папе всего пятьдесят четыре, а для мужчины это, конечно, не возраст, о пенсии мечтать ещё рано, а работы вокруг не стало никакой. С прежнего места его уволили за слишком весёлый нрав и полную беспечность, все вновь образовавшиеся вакансии типа рабочего на бензозаправке, сторожа на автостоянке папа просто прошляпил, их заняли другие люди, и наш безалаберный и добрый папа-растяпа тоже повис на крепкой Витиной шее.

Что же касается меня... Я в семье считаюсь неудалой. Безалаберная, как папа, суеверная и непробивная, как мама, и ленивая, как все ленивцы южноамериканских тропиков, вместе взятые, — это уже от себя лично. Витя всю жизнь со мной нянчится, опекает, наставляет, помогает, но всё без толку. Не в коня корм.

Вы, наверное, думаете, что брат лет на десять старше меня? Многие так думают. Держитесь крепче, а то упадёте. Мы с ним — двойняшки.

Да-да, тоже близнецы. Причём в двойне я старшая. Ирония судьбы, не иначе. Или просто мама родила меня намного раньше срока. На несколько лет раньше положенного.

Если перечислить все заслуги и деяния Виктора, создастся впечатление, что речь идёт о мужчине средних лет (лет сорока) из тех, кого называют «справный мужик». Себя же я ощущаю несовершеннолетней дебютанткой на празднике жизни. А на самом деле нам по двадцать восемь. Стелле только двадцать пять, но она относится ко мне с материнской нежностью и жалостью, всё прощает и опекает, как слабоумную младшую сестрёнку. А может, таким образом благодарит за неоценимую помощь в воспитании детей в первые недели их жизни. Я очень её за это люблю. Вообще я страшно люблю, когда со мной возьтятся, жалеют, опекают, балуют.

Мама обо мне сокрушается:

— Я понимаю, что в семье обычно не без... такого. Но чтобы настолько...

А папа ободряюще хлопает по плечу:

— Мы с тобой одной крови — ты и я. А без нас, чудаков, мир был бы серым.

В старших классах наши девчонки все поголовно стали увлекаться хиромантией, астрологией, картами Таро, чёрной магией и прочей ерундой. Я тоже честно пыталась увлечься, но

дальше разгадывания имён дело не пошло. Ну, про то, что «Виктор» значит «победитель», мы проходили ещё в детском саду. И Витя удивительно соответствовал своему имени. Он всегда был победителем — в спорах, в спортивных соревнованиях, в школьных олимпиадах по всем предметам сразу. Я — Нина, и думала, что у моего имени — грузинские корни. И тут вдруг я узнаю, что «Нина» (точнее, «нинья») то ли по-испански, то ли по-итальянски означает «малышка, дитя». Ах, вот в чём дело, — думаю. Мы же имена себе не выбираем. Выходит, нам вместе с именами навязывают в закодированном виде характер, судьбу. Словом, как вы лодку назовёте, так она и поплывёт. А раз так, решила я, то нечего и дёргаться. В общем, склеила я ласты и плыву себе по течению.

Сейчас работаю в одной маленькой газетке. Громко именуюсь «корреспондентом», но освоила все редакционные профессии, поскольку нас в редакции всего трое, и все мы — универсалы. Корреспондентство моё заключается в основном в изучении более солидных, чем мы, изданий на предмет поиска и воровства интересных публикаций и всяких там рецептов-кроссвордов. Иногда, правда, приходится и самой фотоаппаратом пощёлкать, иногда — придумать текстовки к чужим снимкам. Иной раз и настоящее интервью

возьмёшь. А то, сидя за столом, сочинишь очень достоверный «социологический опрос на улицах города». Ну, в день сдачи номера могу вычитать корректуру. Вот и все наши нехитрые радости. Правда, газетка почему-то держится на плаву (подозреваю, что только из-за телепрограммы), а мы имеем свои небольшие зарплатки и краснокожие удостоверения, на которых золотом вытиснено гордое слово «ПРЕССА».

Когда речь заходит о моей работе, Витя брезгливо морщится:

— Как ты всерьёз можешь заниматься этой бесперспективной ерундой?

А Стелла только сочувственно качает головой и печально смотрит на меня своими загадочными бирюзово-зелёными глазами. На фоне жгуче-чёрных волос глаза кажутся особенно яркими, они излучают прохладно-спокойный звёздный свет, и я, глядя в эти потрясающие глаза, каждый раз вспоминаю, что «Стелла» значит «звезда».

Убогая зарплатка меня вполне устраивает. О наличии продуктов в холодильнике заботятся родители (на Витины деньги), за модой я не гонюсь и скромно довольствуюсь грудой фирменных вещей, которые мне ежегодно привозят из своих поездок брат с женой. Зарплатки моей вполне хватает на метро и мороженое, и я всем довольна.

Единственное, что грызёт душу, — скука. Я обожаю лениться, но скучать не люблю.

Моя боевая подруга Женька, которая с юных лет хранит верность всей оккультной галиматье, вдруг с таинственным видом сказала мне, что затмение солнца — это развлекуха для плебеев, а вот она гадала на меня, и вышло, что именно в эти дни в моей жизни произойдёт персональный катаклизм, который круто изменит всю мою жизнь. Посоветавшись, мы решили, что наконец-то появится мой суженый-ряженный. А что ж ещё можно было предположить? Приглашение работать в команде Президента, избрание королевой красоты, карьера телеведущей, миллионный выигрыш в национальной лотерее — ничего такого мне не светило. А какие ещё события можно считать судьбоносными? Перебрав все возможные варианты, мы с Женькой остановили свой выбор на встрече с женщиной всей моей жизни.

И я, стряхнув с себя обычную лень, развила бурную деятельность по подготовке к знаменательному дню. Во-первых, я решила, что встреча наша должна быть очень романтической, а ничего романтичнее пляжа я не придумала. Во-вторых, у меня потрясающе красивые купальники, целых три, и почему бы их не продемонстрировать всему миру вообще и Мужчине всей моей жизни — в частности? А

поскольку и погода в Крыму была подходящая, и затмение там обещали красивое, то с местом судьбоносной встречи я определилась.

Но поскольку к самостоятельной жизни я не приучена, пришлось сколачивать себе свиту. Ну, мама-папа — это понятно. Всё равно сидят дома и ничем не заняты, пускай тоже проветрятся. Но мама с папой приспособлены к жизни не лучше меня. Всегдашняя наша опора — Витя. С ним же, как в советском анекдоте, «будут ещё четверо». И всех их предстояло уговорить, каждому персонально обосновать спонтанную поездку. Затея казалась невыполнимой, но неожиданно все согласились. Отказалась только мама Стеллы, ей жалко было бросать свои дачные огурчики-помидорчики. Остальные без особого желания, но всё же ехали. Я не верила своей удаче, боялась, что в последний момент что-то произойдёт. И произошло. Я сломала палец. Опять получился театр абсурда. В Крым рвалась только я. Остальные ехать не хотели. И вот они всё же уехали, а я осталась. Собственно, из таких парадоксов жизнь часто и складывается, но как же быть с судьбоносной встречей?

Женька, приехавшая утешать и опекать меня, со знанием дела объяснила:

— Судьбу, говорят, и конём не объедешь. Значит, его, твоего героя, в Крыму нет, и небо уберегло тебя от зряшной поездки. А встретишь ты

его здесь, в Киеве.

— Где это «здесь»? — скривилась я. — Что ли, по дискотекам я буду бегать со своим гипсом? Да мне вообще из квартиры выходить не велено. А в квартире его нет, сама посмотри: ни под кроватью, ни в шкафу, — нигде!

Вдруг Женьку осенило:

— Слушай, подруга, а кто тебя гипсовал?

Я поскучилась:

— Кто, кто... Конь в пальто. Нет, я тоже сначала размечталась: вот вхожу я в приёмный покой, а навстречу мне травматолог, юный и прекрасный, высокий и принцезобразный, длинные аристократические пальцы и взгляд с поволокой. Выходит он ко мне, смотрит в глаза и говорит сексуальным баритоном: «Ниночка, я ваш навеки!» — и падает к моим ногам. Мне даже в животе холодно стало от такой картины. Сижу, в общем, жду. Выходит ко мне травматолог...

— ...женщина... — понимающе скривилась Женька.

— Нет, представь себе, мужчина. Очень пожилой и не очень трезвый. И что обидно, в глаза мне даже не заглянул, сразу за палец больной схватился. Чтобы не упасть, наверное. Я взвыла и лягнула его здоровой ногой по коленке. А он, представь, даже не обиделся. Пьяненько так засмеялся и говорит: «Ну, прыгайте в

рентгенкабинет». Я с кушетки встала, а он тут же на неё присел полулёжа, покемарить решил. Ну, сделали мне рентген, наложили лонгету...

— Ногу-то хоть не перепутал? В таком-то состоянии...

— Медсестра гипс накладывала. Пожилая, трезвая, интеллигентная. В общем, там с жениховством полный пролёт...

Мы дружно закручинились.

Тут я хочу заметить в скобках, что Женька — редкая красавица. И что бы она ни делала, всё делает на редкость красиво. Даже кручинится так, что глаз не оторвёшь. Васнецовская Алёнушка, которая у ручья, облезла бы от зависти, если бы смогла увидеть, как красиво и печально печалится Женька.

Всё, что можно сказать хорошего о женщине, применимо к моей подруге. Рост у неё — модельный, стройностью соперничает с натянутой струной, формами — со скрипкой, волосы льются по плечам медно-золотистой волной, глаза — изумруды, губы — спелая вишня. Вот какова моя Женька! Когда она на своих умопомрачительных, бесконечной длины ногах и со своим роскошным бюстом наперевес шествует по улице, мало кому из встречных мужчин удаётся остаться в живых. Она их не просто разит наповал, она их ещё и зомбирует. Несчастные мужики немедленно делают

разворот на месте и, подобно крысам из сказки, которые послушно шли за волшебной дудочкой, безвольно и бездумно бредут за ослепительной богиней. Те же, кому при встрече удаётся выжить (исключительно благодаря бдительным жёнам), потом долго вскрикивают по ночам и хватают воздух руками, пытаясь обнять ускользающий образ.

Да-а, всем наделил Господь Женечку, а вот умишком — обделил. Нет, она не то чтобы дурочка, но какая-то наивная, несообразительная и вообще — святая простота.

Была бы Женька поумнее да похитрее, сделала бы со своей внешностью умопомрачительную карьеру. Всем этим Клаудиям, Наоми и прочим Синди пришлось бы идти в разнорабочие, поскольку с Женькой им и рядом не стоять. Но Женька моя свихнулась на честности и порядочности. Говорит: по подиуму шастать и в объектив улыбаться за большие деньги — это дурь, блажь и сплошное иждивенчество. А человек должен работать, приносить пользу обществу и кормиться, жить то есть, исключительно плодами своего труда. И действительно, сама она — человек слова! — уж который год честно трудится элитной проституткой. Тем и живёт.

Со мной же всё обстоит иначе. Я невысокая, худенькая, невзраченькая (вся красота досталась

брату), да к тому же лентяйка редкая. Единственное моё достоинство — это природный ум и сообразительность. Причём зачастую соображать я вынуждена сразу и за себя, и «за того парня», например, за Женьку. Наверное, и вправду не может быть женщина одновременно и умной, и красивой, поэтому у нас с подругой получился такой симбиоз, где роли чётко расписаны: она — красивая, я — умная. А вместе мы — сила.

В общем, уехали все мои родственники отдыхать, а меня, полулежачую больную, оставили на попечение подружки. А поскольку подруга она преданная и испытанная, никому и в голову не пришло волноваться о моей судьбе.

Как я уже сказала, Женька порадовалась, что судьба уберегла меня от пустой, бессмысленной поездки, но как помочь мне, загипсованной, встретиться с суженым, она придумать не могла.

И тут я, чтобы отвлечь её от грустных мыслей, неожиданно для себя брякнула:

— Давай-ка лучше я тебя замуж выдам.

Женька сначала удивлённо моргнула, потом понимающе кивнула и молча сунула мне термометр.

Я возмутилась:

— И вовсе я не сошла с ума! И температуры у меня нет. А что, ведь идея-то неплоха! — Я вдохновлялась на ходу. — Красоты у тебя, конечно,

ещё навалом, но возраст-то критический! При твоей профессии...

— При моей профессии вообще замуж выходить не принято!

— Ну, всегда что-то случается впервые... Я ведь из самых лучших побуждений хочу пристроить тебя в хорошие руки. Давай займёмся этим, не откладывая.

— Сейчас не могу, — как-то слишком быстро ответила она.

Я всё поняла и показала ей кулак:

— Клиенты твои обойдутся, не помрут. Тебе надо жизнь свою устраивать, дурочка несчастная!

— Нинка, милая, — она умоляюще сложила руки, — тут такой клиент на горизонте замаячил! Раз в жизни такое везение бывает.

— Из чистого золота, что ли, сделан?

— Да почти что. Точнее — из нефти. Шейх какой-то арабский приезжает. На древнерусские красоты ему вроде бы взглянуть захотелось!

— Нефть свою ему продать захотелось...

— И то правда, — легко согласилась Женька. — Только мне ведь это всё глубоко фиолетово: нефть или что там ещё. Главное — денежки-то у него немалые. Как бы это его уговорить со мной поделиться?

Женька смотрела на меня заискивающе, почти умоляюще. Ну вот, опять двадцать пять...

Я поджала губы:

— Генриетта, солнце моё, я что-то не пойму: кто из нас проститутка? — Женька скривилась. — Пардон, гейша...

— Ну, ты у нас, конечно, девушка честная и порядочная — не чета мне. Но ведь и умная — тоже не чета мне. Придумай, как бы половчее интуриста снять. Девчонки наши уже все роли расписали: кто в аэропорту его дожидается, кто у входа в отель встречает, кто у лифта «случайно» сталкивается.

— Нашла о чём волноваться! Да ведь равных тебе нет.

— В этот раз коллеги решили выступить против меня единым фронтом. Даже Зяма сказал, что шансов у меня — никаких. Девицы заявили ему, что если только сунусь к шейху, кислотой меня окатят с головы до ног. Если они так решительно настроены, представляю, какие деньги он с собой везёт, — мечтательно вздохнула она и даже облизнулась.

Зяма — это Женькин сутенёр. Вообще-то Женька свободный художник и работает по вдохновению. Клиентов себе выбирает исключительно по любви. К их деньгам. В работе никакой Зяма ей не указ. Однако он обеспечивает ей «крышу», и она ему за это что-то платит. Зяме, конечно, лестно, что сама Генриетта, королева из королев, числится среди «его девочек». Поэтому он

особо не умничают, Женьке не докучает, чтобы, не дай Бог, не переметнулась к другому сутенёру. Но зато он в случае крайней необходимости выступает посредником между Женькой и остальными девицами, которые такую выдающуюся конкурентку, понятное дело, терпеть не могут. Женька их тоже не жалует, поэтому общается с ними в основном через Зяму. Таким образом, он у неё не столько сутенёр, сколько пресс-атташе.

— А вы уже точно знаете, когда он прилетит и где поселится?

— А как же! — улыбнулась Женька своей роскошной жемчужной улыбкой. — Мы же из гостиницы информацию получили.

— Ну, мало ли... Может, он прилетит другим рейсом... или вообще в другой день... или ещё какой сбой случится...

— Это вряд ли. Он ведь заказал апартаменты, культурную программу, трансфер «аэропорт-отель» и «отель-аэропорт». Там всё чётко.

— Ну так навязалась бы ему в переводчицы.

— Я пробовала. На это даже моего умишка хватило. Но там — всё глухо. Он едет со своими переводчиками. Так что проскочить в отель со свитой мне не удастся, а в одиночку — тем более. Подружки могут слово сдержать.

— Да-а, проблема...

И мы снова дружно пригорюнились.

— Слушай, Жека, — оживилась я. — А что, если тебе в его гарем затесаться? Лицо мануфактурой завесишь, никто и не признает!

— Он без гарема едет. Я узнавала. Свита состоит исключительно из мужеского полу.

— Он, часом, не «голубой»?

— Да вроде нет. Нормальный, говорят, мужик. Да, видно, не про нашу честь. Никогда мне до него не добраться! — обхватив свою царственную голову руками, в голос завывала она.

Я поняла, что дело тут уже не в деньгах, а в принципе, и назидательно изрекла:

— Никогда не говори «никогда». Я уже придумала выход. Однако попытка будет только одна, поэтому постарайся ничего не испортить.

Женька перестала выть, радостно заглянула мне в глаза и приготовилась слушать. Собственно, ради этого момента она всё и затеяла.

— Итак, чем мы располагаем... Когда он приезжает, ты знаешь?

Она кивнула.

— В каком номере поселится, тоже знаешь?

Она снова кивнула.

— Тогда всё очень просто. Снимаешь номер по соседству и дальше действуешь по обстоятельствам. То ли «случайно» вываливаешься на него из своего номера. То ли глухой ночью как бы спяну тычешь своим ключом в его замок —

перепутала, дескать. То ли... Ну, там видно будет.

Её кошачьи глаза уже засветились изнутри, но, всё ещё боясь поверить в удачу, она капризно протянула:

— Да-а... Хорошо тебе говорить... А ты знаешь, какие дорогие номера в том крыле?...

— Значит, так: не ной и не жлобись. Цель, я так понимаю, стоит предварительных затрат. А не нравится мой план — придумай свой.

Здесь я, конечно, применила запрещённый приём. Перемудрить меня ей не под силу, и мы обе это знаем. Поэтому ей пришлось покорно выслушать меня до последнего слова.

— Номер забронируй заранее. Естественно, по телефону.

— Я могу даже иностранкой представиться. Американкой или шведкой. Как лучше?

— Лучше всего марсианкой. Простота ты моя бесконечная! Где ты шведский паспорт возьмёшь? — Женька тут же скисла. — Так что бронь оформляй на себя.

— Меня же в этой гостинице знают как облупленную.

— Что, даже по фамилии? — не поверила я.

— Нет... Фамилию, кажется, не знают.

— Уверяю тебя, по телефону никто ничего не заподозрит. Только не проговорись, что ты Генриетта. Назовись Галиной. Они же всё равно

только инициалы запишут.

— Ну, это ладно. А когда я поселиться буду, меня же узнают. Как думаешь, не выгонят?

— На каком основании? Номер ты забронировала заранее, паспорт у тебя в порядке, деньги платишь, — чего им ещё? Кстати, для пущей уверенности попроси у них заранее счёт и оплаты по безналу. Тогда никакая полиция нравов пикнуть не посмеет. А будут сильно приставать — скажи: ремонт дома затеяла, голову негде приклонить. И вот ещё что: ты должна вселиться за сутки до того, как приедет этот интурист. Так рано подружки твои злокозненные вряд ли выставят пикеты. Но ты всё равно постарайся просочиться незаметно, чтобы не злить их. Закройся на ключ и сиди, носа не высовывай. Даже не заказывай ничего в номер. Еду-питьё с собой прихвати. Смотри телевизор да отсыпайся.

— За целые сутки я могу подкоп сделать в соседний номер, — размечталась Женька.

— Не сомневаюсь. Да только это пустые хлопоты. Перед вселением твоего шейха арабские секьюрити обшарят и обнюхают каждый уголок его номера. Выволокут тебя из твоего лаза и съедят. Или, того лучше, твоим же подружкам и отдадут. Я бы на их месте сделала именно так.

Женька по-настоящему испугалась и посмотрела на меня с уважением:

— До чего же ты серьёзная и мудрая женщина! Не дай Бог заполучить такого врага... Уж лучше я и дальше с тобой дружить буду!

На том и порешили. Женька умчалась подготавливать воплощение идеи в жизнь, а я задумалась над предсказуемостью бытия. Почему-то ведь родилась Женька такой красавицей. Но родилась не в столице, а в деревне. Несчастный случай? Отнюдь. Только на натуральном деревенском продукте, на парном молоке, на свежем воздухе, на вольной воле могло произрасти такое чудо природы. Городские дети ведь как выглядят? Да как ростки картошки в подвале: ломкие, чахлые, бесцветные. Чтобы стать настоящей красавицей, Генриетта должна была вырасти в деревне. Она и выросла. И в город попала с огромным запасом красоты и здоровья. Для справки: мы с ней обе окончили романо-германскую филологию. Только она в проститутки пошла, а я — в корреспонденты дохлой газетки. Мне мои знания негодились, а Женька своим нашла применение. На романских и германских диалектах лопочет бойко, но особая её страсть — экзотические языки. Я подозреваю, что этот нефтяной шейх заинтересовал её сразу по многим причинам. Во-первых, попрактиковаться в арабском языке. Во-вторых, утереть нос ненавистным конкуренткам. Ну, и, в-третьих,

конечно, деньги. Задаром она не работает принципиально.

В общем, всё у неё к делу приспособлено: и здоровье, и красота, и языки иностранные, и даже имечко что надо: Генриетта! И как только выдумали такое в деревне! Ведь не Фёклой назвали, не Матрёной... Как будто знали, по какой дороге пойдёт... Или опять-таки имя навязало человеку судьбу?

Мама Генриетты так и живёт в селе, так и работает дояркой на ферме, на дочку свою учёную не надышится и верит — святая простота! — что та работает переводчицей в солидной фирме.

Женьки не было несколько дней. Я за это время намечтала сорок бочек, и все полные: вот выйдет Женька замуж за шейха, станет шахиней... Или шейхиней?... В общем, первой леди. А я буду у неё первой советчицей. Надворной советницей. Вот тут уж мы развернёмся!.. Что я насоветую, то она в жизнь воплотит. И шейхство это неизвестное к рукам приберём!

От сладостных мечтаний меня отрывали только ежедневные звонки моей отдыхающей родни: что я да как я... А что я? Честно отвечала: лежу на диване, смотрю телевизор, читаю книжки. Нет, кушать не забываю. Женя заходит, еду приносит (где её, кстати, саму-то носит?!). В

общем, обо мне моя родня не беспокоилась, зато их новости были похожи на сводки с передовой. В первый же день наш папа-растяпа, увидев долгожданное море, на радостях так нырнул, что оцарапал себе нос, лоб и рассёк губу. Так что первый и второй день отдыха вся семья охала над его боевыми ранами, а мама ещё и суетилась с примочками. Потом у малышек случилось расстройство желудка. Потом Витя отстал от экскурсии, Стелла бросилась его искать, в результате оба заблудились и, в общем, наделали переполоху. В этот же вечер подлечившийся папа в одиночку (мама сидела с внучками и поджидала их заблудившихся родителей) отправился на танцы, да так лихо отплясывал с молоденькими партнёршами, что во время исполнения какого-то особо сложного пируэта вывихнул руку. Руку, конечно, в медпункте тут же вправили, но он теперь не может плавать. Нырять же ему запретили ещё по итогам событий первого дня. А сидеть на берегу моря и не иметь возможности ни с пирса нырнуть, ни поплавать всласть — это сродни особо изощрённым китайским пыткам.

И вот травмированный со всех сторон папа жалобно скулит в трубку, а у меня голова идёт кругом от обилия ошеломляющих новостей, и мой больной пальчик кажется несущественной мелочью по сравнению с тем, что происходит в Крыму. До

рокового затмения ещё несколько дней, и люди радуются жизни, но для моей семьи, кажется, конец света уже начал разворачиваться по полной программе. Как хорошо, что я нахожусь далеко от эпицентра этого бедлама! Получается, мой перелом — это действительно подарок судьбы?

Женька явилась на четвёртый день — притихшая, довольная, с заплывшим глазом и необыкновенным перстнем: огромный зелёный камень цилиндрической формы в весьма скромной платиновой оправе.

— Сувенир от араба, — пояснила она. — Говорит, очень к моим глазам подходит. Прямо со своего пальца снял и на мой надел. Простой такой дядечка...

— А фингал под глазом — тоже сувенир?

— Ага. Только не от араба, а от Квашни. Вычислила меня всё-таки, подлая тварь.

Квашня — самая бойкая из Женькиных коллег. И самая толстая, за что и удостоилась такого прозвища.

— Как же ты так ффраернулась?

— Ну, Ниночка, тут уж постарался Его Величество Случай. Зато с арабом я подружилась без особых проблем.

— А точнее?

— За сутки вынужденного безделья в номере я много чего успела. Подкоп рыть не стала, но

дырочку в стене всё-таки провертела.

— Маникюрной пилочкой?

— Скажешь тоже, — фыркнула она. — Стены оказались из гипсокартона. Материал тонкий, но прочный. Я поняла, что своими силами не справлюсь. На моё счастье, дежурным сантехником оказался Кролик — ну, ты его знаешь.

Кролика я знала. Парень получил прозвище за редкую стоматологическую аномалию: один передний зуб у него был обычный, второй — в полтора раза длиннее.

— Я его вообще-то не очень жалую, но тут пришлось приласкать, — а куда денешься? Но зато он притопал с полным набором инструментов и проделал отверстие в моём слое гипса. Ну, а как арабы заселились, я самым наглым образом постучала в дверь, они открыли — пушки наперевес, умора! — а я крик подняла, что они за мной подглядывают. Причём охранники эти вообще безмозглые. Я на них по-английски кричу и по-арабски, они слова-то понимают, а до сути никак не дойдут. Думалкой не вышли. Тут хозяин их выплывает — маленький такой, аккуратненький. Смугленький. Поднимает сросшиеся бровки и на хорошем английском начинает выяснять суть моей претензии. Я же хватаю его за руку, тащу в свой номер и предъявляю дырку в стене. Это, говорю, у вас специальный «глазок», чтобы за честными

девушками подглядывать! Араб глазом к дырочке приник, а там — темно. А что увидишь? Их-то стена цела! Он говорит: как мы можем подглядывать, если не видно ничего? А я: знаю я эти хитрости, со своей стороны дыру картинкой завесили! Он клянётся Аллахом, что никаких картинок, никаких дырок с его стороны нет, и тащит меня в свой номер, чтобы я убедилась. Ну я, конечно, пошла с ответным визитом, да уж больше и не ушла. Он мне сначала коньячку налил — для снятия стресса. Потом — за примирение. Потом — за знакомство. Потом — за дружбу народов. Сперва по мне глазами шарил, потом — руками, ну и... В общем, заночевали.

— Но игра-то хоть стоила свеч?

— Да как тебе сказать... Он росточку-то ничтожного, в пуп мне дышит, а самомнение — о-го-го! Прямо горный орёл! Попролам с ястребом...

— Да я не про то! Получила денег, сколько хотела? Или даже затраты не оправдала?

— Так это как посмотреть. Колечко вот утром подарил. Сувенир, говорит, чтобы долго помнила. Так что дядька вроде не жадный. А расплачивался прижимисто. Всего тысячу баксов дал. Для честной девушки, каковой я представилась, это прямое оскорбление! Хотя... За одну случайную ночь...

— Дура ты, ну вот как есть дура! — не выдержала я. — Это тысяча баксов — сувенир. А

расплатился он с тобой на самом деле изумрудом! Ведь если этот камень по-умному продать, так на хорошую тачку хватит! Или на квартиру в престижном районе.

— А ведь и правда... — захлопала ресницами Генриетта. — Слушай, да это самый крутой гонорар за всю мою карьеру!

— Прозрела... Такие гонорары получала разве что Клеопатра. Ну, и ты теперь с ней сравнялась. — Генриетта закружилась по комнате. — И не обольщайся, что он принял тебя за честную девушку.

— Почему это? — обиделась она.

Я хмыкнула:

— Устроила скандал, как на базаре, и тут же улеглась с ним в койку. Бездарная ты актриса. Он же не дебил, в самом деле. Понял всё быстро и правильно.

— А как надо было?

— Смотря что ставить конечной целью. Я тут было размечталась, что мы его женим на тебе. Но для этого бы нам понадобилось гораздо больше времени и мой неусыпный контроль. Но это была моя цель. А своей-то цели ты достигла. Радуйся, дурочка несчастная!

— Ну, была бы я двадцать седьмой женой в гареме, — капризно выпятила губки Женя. — И что хорошего?

— Нет у них теперь таких гаремов. А если бы две-три жены и обнаружались, мы бы их живо задвинули в чулан! Эх, да что теперь говорить... Расскажи лучше, как на Квашню нарвалась?

Женька довольно захихикала, вспоминая, и даже потёрла свои божественные руки.

— Захотелось нам утречком освежиться, и заказал мой падишах холодного шампанского. Ну, доставили нам, всё честь по чести: шампанское в ведёрке, ведёрко на тележке, а тележку везёт... Квашня! Официанткой переделалась, думала — самая умная. Я представляю, сколько денег она отвалила настоящей официантке за этот маскарад! И всё, выходит, зря... А для Квашни деньги потерять — хуже, чем глаза лишиться.

— Все вы одинаковые...

— Не скажи... Деньги деньгами, но ведь и кураж, и момент творчества... А, ладно! В общем, вкатывает она тележку с шампанским, а я сижу на диване в объятиях восточного принца, и из одежды на мне — только это кольцо. Квашню столбняк одолел: глаза выпучила, ручкой-ножкой не колышет. Подхватился мой Аладдин, хотел за мной поухаживать, но я его обратно усадила. Обычай, говорю, у нас такой: официанты всё делают сами. Пришлось бедной толстухе и бутылку откупорить, и вино мне налить... Ну, это был цирк!

— Зато и реванш она взяла сполна, — указала

я на багрово-фиолетовый синяк с желтовато-зеленой окантовкой.

— Да, это я лоханулась. Когда от интуриста уходила, утратила бдительность. А эта зараза меня на лестнице подстерегла и фэйсом о свою коленку приложила. Я в последний момент извернулась. Главное — ей не удалось сломать мне нос! А синяк... Пройдёт, что ему сделается...

Женька достала заработанную тысячу и честно отсчитала мне пятьсот баксов. Хорошо бы получить ещё и половину стоимости кольца... Но я рассудила, что, во-первых, у неё нет таких денег в наличии, а во-вторых, фокус с дыркой в стене она придумала самостоятельно. Ну, и работала, конечно, себя не жалея... Поэтому про кольцо я ничего говорить не стала.

Конец света был назначен на завтра, аккуратно на середину дня, но ни из одного своего окна я солнца в это время не вижу. Над крышей оно. А затмение посмотреть очень хотелось. И решили мы с подругой идти на Крещатик. Там ширь и простор, народу много, апокалипсис не так страшен.

— А я дойду?...

Засомневалась я обоснованно. От моего дома до Крещатика метров триста, это вам не из комнаты в комнату на одной ножке прыгать.

Женя оглядела меня оценивающе, прикинула

мои шансы и прищурилась:

— Вполне. А устанешь, так я тебя на руках донесу.

— Не царское это дело — инвалидов на руках таскать. Может, колясочку мне организуешь?

— Да ладно, затихни. Нашла о чём беспокоиться!

И вот долгожданный день наступил. Я проснулась очень рано — волновалась, наверное. Вымыла голову, соорудила какую-никакую укладку, даже глаза подвела — эх, помирать, так с музыкой! Потом сделала крабовый салат, сунула шампанское в холодильник. Если выживем, надо же будет отметить!

Женька примчалась — тоже вся нарядная, возбуждённая. Оно и понятно: не каждый день солнце затмевается!

— Ну, готова?

— Угу. — Я стояла вниз головой и возилась с обувью.

Очень меня выручили пляжные шлёпанцы. Для больной ноги я передвинула пряжку с первой дырочки на последнюю, и гипс всё-таки уместился в тапок. Идти было можно, но без особого комфорта.

— Может, машину возьмём?

— Да ты что? — возмутилась Женька. — Кто

ж это подрядится на стометровку? Обругают только.

— Ничего, денег дадим — согласятся.

— Да здесь напрямую и не проедешь. Объезжать придётся пол-Киева. А пешком идти — всего ничего.

Мы вышли из подъезда. Хромала я сильно, и мне это не нравилось. Женька плыла медленно и с достоинством, как нарядная каравелла. Я выглядела помесью гадкого утёнка с уточкой-хромоножкой.

— Давай возьмём машину, — канючила я.

— Поздно, — изрекла Генриетта. — Здесь проезд разрешён только «скорой помощи», а она тебя не возьмёт, поскольку помощь тебе уже оказана.

Между тем солнышко стало понемногу закрываться. На общей освещённости это пока не сказывалось, но ощущение было странное, тревожное.

Доковыляв до подземного перехода, мы уселись на парапет и стали думать, как бы получше разглядеть редкое природное явление. Без тёмных очков смотреть было невозможно. В тёмных очках тоже не очень получалось. Тогда мы сложили её и мои очки. Через двойное затемнение вид был получше, но глазам всё равно было больно.

— Не могла стёклышек накоптить, — бурчала Женька. — Всё равно сидишь дома без толку...

— От бестолковой слышу, — огрызалась я. — Где мне было взять стёклышки? Из окон, что ли, вырезать? И как бы, интересно, я их коптила? Нет у меня дома коптильни!

Ответом нам был дружный молодецкий смех. За нашими спинами стояли добры молодцы и скалили зубы. Мы поняли, что они слышали нашу перебранку. Рассмотреть их сразу нам не удалось по причине временной слепоты после разглядывания солнца.

— А ну, цыц! — гаркнула Женька. — Барышни мучаются, а им радость!

— Милые барышни, позвольте предложить вам специальное приспособление для наблюдения солнечного затмения, — галантно произнёс тот, что был повыше, и протянул мне кусок засвеченной фотоплёнки.

Разглядеть дарителя мне всё ещё не удавалось, так как перед глазами плясали радужные пятна, и я дала себе клятву никогда больше не смотреть в полдень на солнце. Однако плёнку всё же взяла — и увидела сквозь неё волшебную картинку: солнце имело вид ущербной луны. Тень неумолимо наползала, оттяпывала всё больше и больше света, и на душе становилось как-то неуютно. Света становилось всё меньше, беспокойства — больше.

— Горе, горе, крокодил солнце в небе проглотил! — пискнула я и неспроста задрожала.

— Не бойся, маленькая! — Даритель ободряюще потрепал меня по плечу.

Я наконец-то смогла его разглядеть — и разучилась дышать. Платиновый блондин спортивного вида с бронзовым загаром и ослепительной улыбкой, — да я такой красоты и в кино не видывала! У меня перед глазами снова поплыли радужные пятна, и я на всякий случай уютно устроилась на Женькином плече. Оно у неё, как у кустодиевской купчихи, — белое, крепкое, надёжное. Не будь рядом подруги, я бы точно оконфузилась: в обморок бы хлопнулась или ещё там чего. Не каждый ведь день ангелы спускаются с небес, да ещё и треплют меня по плечу!

Женька, видимо, тоже ангела рассмотрела. Я почувствовала, как она напряглась. Но она — не я. Она у нас калач тёртый, а потому с места в карьер повела умелую атаку.

— Женька, остынь, здесь тебе не работа, — шипела я в панике.

— Это кому как, — шипела в ответ Женька и продолжала кокетничать напрапалую.

Когда наступил апогей затмения, окружающий мир стал каким-то призрачным. На небе не наблюдалось ни облачка, но было ощущение, что солнечный свет проходит сквозь мощную пелену. Я чувствовала себя рыбкой в аквариуме с мутной водой. Это было странно и

сильно раздражало. Хотелось из грязной лужи выплыть в чистый ручей. А ещё мне хотелось, как домашнему животному, биться на привязи, лягаться, хрипеть и выть, — вообще всеми способами демонстрировать панический ужас и душевный дискомфорт. Но я постеснялась.

Остальные, кажется, тоже чувствовали себя не лучше. Генриетта приумолкла. А ребята, чтобы скрасить паузу в общении, решили наконец-то с нами познакомиться. Высокий и красивый назвался Андреем, невысокий и невзрачный отрекомендовался Владимиром. Мы с подругой тоже представились. После этого наши кавалеры, видимо, посчитали, что с их стороны будет непозволительным свинством не пригласить нас в кафе. Пригласили, чтобы отметить знакомство. Женька от радости расцвела, как тюльпан.

Я же общепитовскую еду страсть как не люблю, и потому несмело чирикнула:

— А у меня дома есть крабовый салат и шампанское в холодильнике...

— Значит, придётся идти к вам в гости, — развёл руками неяркий, но разбитной Володя.

Я приободрилась. Очень уж мне хотелось заполучить в воздыхатели красавца Андрея, а дома, как известно, и стены помогают. И очень не хотелось подводить подругу: зря она, что ли, нагадала мне знаменательную встречу в

знаменательный день...

Вовчик основательно запал на Генриетту. Она же предпочитала этого не замечать и усиленно обхаживала «моего» Андрея.

Улучив минутку, я шепнула:

— Такие красавцы богатыми не бывают. У Вована-то, поди, и денег поболее...

— А я, может, для души хочу...

— А вдруг он альфонс?

— Прокормим! — беспечно махнула рукой Женька, но тут случилось непредвиденное.

Поскольку вся наша компания вынуждена была двигаться с той скоростью, с которой могла идти я, Вовчик с отвлечённым видом стал насвистывать мотив известной песенки «Ковыляй потихонечку...».

Андрей же будничным тоном сказал: «Иди-ка на ручки, маленькая», — и действительно подхватил меня на руки. Мы с Женькой синхронно ахнули, и я взмолилась, чтобы он вернул меня на землю:

— Люди смотрят, неловко...

— А мне ловко идти рядом с больной малышкой и не помочь?

Легко и непринуждённо он донёс меня до подъезда. За пять минут. Ну, с его-то километровыми шагами...

В непринуждённой беседе за бокалом

шампанского выяснилось следующее: Вовик является хозяином небольшой фирмочки «купи-продай» (здоровой ногой я торжествующе пнула Женьку под столом), а своего школьного друга и соседа по дому, компьютерного гения Андрюшу он использует довольно часто, поскольку сам в компьютерах ничего не понимает.

— А они мне без надобности, — подвыпив, стал хвастать Вовик. — Я в уме трёхзначные числа перемножаю без ошибок. Как арифмометр. Деньги можно делать и без компьютеров. Знаете, как в анекдоте про нового русского: покупаю товар за две тысячи, продаю за четыре, и вот на эти два процента живу!

Он торжествующе посмотрел на нас, ожидая взрыва хохота. Анекдот был, конечно, ровесник самому рассказчику, но мы с Женькой вежливо посмеялись, чтобы не ломать человеку настроение.

Самым смешным анекдотом было Женькино поведение. Она продолжала строить глазки Андрею, но и Вовику стала уделять внимание, очарованная его рассказами о прибылях и сверхприбылях. И чем больше он загибал в своих рассказах, тем оживлённее становилась Женя.

Когда закончилось шампанское и иссякли анекдоты, Женька встала и со словами «Дорогие гости, не надоели ли вам хозяева?» решительно направилась к выходу, призывно улыбаясь обоим

гостям сразу.

Андрей картинно помахал ей ручкой:

— Тебя Володя проводит. А я тут помогу Ниночке прибраться.

Женька ахнула, как будто получила удар под дых. Уже стоя на пороге, она задумчиво проговорила:

— Какой невероятный сегодня день, подумать только! Маленькой, незаметной Луне удалось затмить роскошное Солнце...

Аллегория поняла и оценила только я и мысленно показала зазнайке язык: так-то вот, знай наших!

Когда за ними закрылась дверь, я укоризненно покачала головой:

— Что ж ты так девушку обидел? Она ждала внимания и поклонения...

— Ничего, перетопчется. Мы Вовкину тачку через две улицы отсюда бросили. Она как её увидит, враз обо мне, безлошадном, забудет.

— Почему так неуважительно о девушке думаешь?

— Да проститутка она! Прости за грубое слово, но сущность её именно такова. А чем она занимается?

— Это тот редкий случай, когда сущность становится профессией, а профессия — сущностью... — нараспев продекламировала я.

— Да ну? — вытаращил глаза Андрей.

Потом брезгливо, двумя пальцами, взял Женькин бокал, тарелку и вилку, отнёс в мойку и, скривившись, процедил:

— Надо будет прокипятить...

— Зря морщишься. Я не знаю человека здоровее и чищеплотнее Генриетты. Ты вот, к примеру, когда в последний раз медосмотр проходил, когда сдавал разные тесты, анализы?

— Да я уж и не вспомню, — пожал он плечами.

— Во-от!.. — наставительно подняла я палец. — А она почитай каждый месяц проходит полное обследование. О здоровье печётся, а как же!

Когда Андрей покинул меня, уже стемнело. Время мы провели очень приятно. Он оказался милым парнем. Милым и умным. Столько интересного рассказал из жизни хакеров! По его словам, свистнуть через Интернет миллиончик-другой не составляет проблемы.

Я спросила:

— Так чего ж ты до сих пор не миллионер?

— В тюрьме сидеть неохота.

— А пахать на Вовика охота?

— Зато эта работа мне ничем не грозит.

— Абсолютно ничем, — согласилась я. — Особенно деньгами.

Андрей повесил голову и загрустил. Я

утешила его, как сумела, и быстренько выставила за дверь. Мне надо было подумать.

А Вовик, оказывается, совсем голову потерял от Женькиных прелестей. Она назавтра влетела ко мне сияющая, счастливая, и давай размахивать перед моим лицом стодолларовой купюрой:

— Вот, Вовик дал на расходы!

— Всего-то?... — фыркнула я.

— Так он обещал каждый день столько давать. На расходы, понимаешь?

— А отчёта не потребует?

— Думаю, нет. Я сказала, что в салоне маникюр стоит тридцать баксов и массаж — семьдесят. Не станет же он по всем салонам мотаться, проверять...

— И ты притащилась ко мне со своей малой радостью.

— Нет, я притащилась совсем по другому поводу. Вовка по телефону с кем-то говорил. Ему завтра надо от одного человечка другому сумму денег перекинуть. Курьер он, понимаешь?

— Не маленькая... А что, он прямо при тебе говорил? Дурак форменный...

— Нет, не при мне. Он думал, что я в ванной и не слышу. А я из ванной уже вышла и всё услышала. Совершенно случайно, понимаешь?

— Обратного-то в ванную зайти догадалась?

— Пулей полетела, как только поняла, что именно подслушала. Он и не сообразил, что я выходила.

— Так, умница. Жизнь твоя ещё пригодится нам обеим. Теперь давай по сути дела.

— Ну, когда я вышла, разговор у них уже шёл. Вовка говорит: завтра и повезу. А тот, второй, я так думаю, спрашивает: охрана нужна? Вовка говорит: да сумма-то плёвая, не страшно. К тому же охрана только внимание привлечёт. Я лучше на пикник поеду. С другом и подружками. А между делом и бабки отдам. Вот слово в слово так сказал. Так что готовься, хромоножка, ехать на пикник. Я послана к тебе с официальным приглашением.

Я возмутилась:

— Так это он нами прикрыться хочет? Конспиратор хренов! На охране он сэкономит, а наши молодые жизни погубить ему не жаль. Ну и ну... Придётся его за это наказать.

— Откажемся? — скисла Женька.

На пикник ей хотелось.

— Ещё чего! Поедем обязательно. И еды прихватим побольше. Славно повеселимся, будь уверена!

— А что же тогда... — она запнулась. Сформулировать мысль до конца так и не сумела.

Я пояснила:

— Твоя задача — узнать, в чём он повезёт

деньги. И что бы это ни было — кейс, барсетка, полиэтиленовый пакет, да хоть молочный бидон, — ты должна точно такую же вещь достать и отдать мне.

— Йес, сэр! — взяла под козырёк Женька и умчалась выполнять задание.

Позвонил Андрюша:

— Ты уже слышала о пикнике?

— Да, приглашение получила, но вся в раздумьях: нога в гипсе, какой там пикник, буду только обузой вам... — разнылась я вполне натурально.

— А при чём тут гипс? — тоже очень натурально удивился Андрей. — Туда и назад — на машине, а там посидишь на травке. Это даже удобнее, чем дома на диване!

Поломавшись ещё какое-то время, я позволила себя уговорить.

Пикник начался чудесно. День был солнечный, но не жаркий. Настроение у нас у всех — лучше не бывает. Мы с Женькой, демонстрируя свою хозяйственную жилку, набрали целые баулы еды и питья. И даже для Вовика, нашего рулевого, взяли упаковку безалкогольного пива, за что он нас всю дорогу хвалил.

Ехать нам было недалеко, в один славный небольшой городишко по соседству. По дороге нам

попалась так называемая «криничка»: родник, бьющий из земли, люди облагородили каменной кладкой. Здесь всегда принято было останавливаться, чтобы испить водицы. Остановился и Вовик. Водички мы попили, как полагается, а потом наши мужчины побрели в кусточки.

— И чего этим мужикам неймётся? — фыркнула им вслед Женька. — Как дерево увидят, тут же надо территорию пометить!

— Давай делом заниматься, — оборвала я её фырканье.

Женька вынула из-под своего сиденья чёрную барсетку и отдала мне. Я обернула эту вещь непрозрачным пакетом, спрятала в сумке с едой, вынула оттуда такую же, но пустую, и отдала Женьке. Она пристроила эту сумочку под лопушок у раздвоенной берёзки. Вся операция заняла у нас меньше минуты.

Когда ребята вернулись, мы, разложив на крыше машины свои косметички, усиленно прихорашивались: я мазала губы, Женька яростно прочёсывала свою роскошную гриву.

— Чего это вы марафет наводите? — удивился Андрей.

— Для вас стараемся, — пропела Женя.

— Да ладно, и так красивые, — расплылся в довольной улыбке Вовка. — Усаживайтесь, ехать

пора.

Мы снова расселись по местам: Вован с Генриеттой впереди, мы с Андреем — сзади. Вован умудрялся рулить одной рукой, а второй то и дело шарил по Женькиным коленкам. Мы с Андрюшей сидели, целомудренно сложив руки перед собой. Между нами была большая сумка с провизией.

Под болтовню Вована, Женькин визг и пение Стинга трасса кончилась как-то уж очень быстро, и мы въехали в городок.

Вовчик сказал:

— Генриетта, пошуруй под сидушкой, у тебя там сумчонка завалялась.

— Нет, вот она! — Женья приподняла двумя пальчиками свою невесомую миниатюрную сумочку.

— Да не твоя, а моя там лежит. Пошарь, будь другом!

Женька честно стала шарить под сиденьем.

— Нету...

— Как нету?...

Вовик резко съехал на обочину, а я порадовалась, что в городе нет кюветов. Заставив Женьку выйти, он сам обшарил первый ряд. Потом мы с Андреем тоже вышли, и Вовик трясущимися руками шарил по всему салону, бормоча: «Ну как же так, я ведь сам её сюда положил...». Ни живая ни мёртвая, я привалилась к багажнику и, чтобы не

упасть в обморок от страха, считала топольки на обочине.

Когда необследованной осталась только сумка с едой, я подала Женьке сигнал.

Она хлопнула себя по лбу:

— Стоп! Сумка, сумка... А не барсетку ли ты ищешь?

— Да-да, барсетку, — с радостным ожиданием воззрился на неё Вовик.

— Тоже мне, сумка, — фыркнула Женька. — Ерунда на петельке!

— А где она?

— Да, действительно, валялась у меня под ногами. Постой-ка... Мы остановились у кринички... — Она усиленно тёрла лоб, вспоминая. — Я её вытащила и хотела у тебя спросить, чего она под ногами у меня валяется... А куда ж я её дела потом?

Вовка так напрягся, что я за него серьёзно боялась.

— А потом, — продолжала вспоминать Женька, — я, кажется, положила её на крышу, чтобы на виду была.

— А потом вы туда же выволокли свои косметички, — подал голос Андрей.

— Точно! А что, нам же надо было привести себя в порядок, — капризно сдвинула она соболиные брови. — А потом ты заторопил нас, мы

схватили свои косметички и прыгнули в машину. Вот видишь, всё и вспомнила! — торжествующе улыбнулась Женька.

— А барсетка?... — беззвучно выдохнул Вова.

— И правда... — задумалась Женька и обратилась ко мне: — Ты не брала?

— Стала бы я чужое трогать, — обиделась я.

— И я не брала... А, поняла: она осталась лежать на крыше! Чёрная на чёрном, мы её просто не заметили...

— А где же она теперь? — воззрился Вован на совершенно пустую крышу машины.

— Откуда мне знать? Слетела, должно быть, по дороге, — дёрнула плечом Женька. — Ой, а что ты так расстроился? Там что, документы важные были? Твои права?

— Деньги там были... — белыми губами произнёс Вова.

— И только-то? Ещё зарабатываешь, — беспечно махнула рукой Женька. А хочешь, я тебе одолжу?

— Дура ты! — цыкнул на неё Вован. — Тебе такая сумма и во сне не снилась!

— Миллион? — ахнула Женька. — Миллиард? В такой маленькой барсетке?

— Смейся, смейся... Мне за эти деньги башку могут оторвать! А заодно и тебе...

— А мне-то за что? — удивилась Женька.

— За то, что при этом присутствовала. За то, что потеряла!

— А я не знала, при чём мне довелось присутствовать. И не знала я ничего о деньгах! Знала бы, осторожнее была... И вообще бы с тобой не поехала! А может, ты деньги сам потерял, а на меня свалить хочешь?

— Слушайте, — снова подал голос Андрей. — Давайте вернёмся к криничке. Может, нам повезёт?

Мы запрыгнули в машину и помчались обратно. У кринички затормозили, высыпали из машины и рассредоточились. Они втроём рьяно приступили к поискам, а я подняла с земли длинный прут и стала ворошить траву, как заправский грибник. Дав им вволю набегаться по трассе и придорожным кустам, я подошла к раздвоенной берёзке, приподняла прутиком лопушок и удивлённо сказала:

— Смотри-ка...

Андрей был рядом и посмотрел. Потом зычно кликнул Вову, а за ним притрусилась и Женька. Вовка коршуном бросился на сумочку, но она явила ему своё пустое нутро.

— Вот сволочи! — в сердцах выругался Вова. — Это ж кто-то не поленился остановиться, поднять и выпотрошить.

— Да тут все останавливаются, — тихо

сказала я. — Остановились люди воды набрать, а набрали денег...

— Нет, ну чего, спрашивается, чужое трогать? — горячился Вовка. — И как только руки не отсохли?

— А ты на их месте что бы сделал? — всё так же тихо спросила я. — Отнёс бы находку в милицию?

Этот невинный вопрос совершенно отрезвил бедолагу. Он понял, что деньги потеряны безвозвратно. Покатался по земле, повыл, подёргал то чахлую травку, то свои волосы. Потом затих и впал в глубокую депрессию. Мы тоже молчали из уважения к чужому горю.

В свете последних событий как-то само собой разумелось, что нам надо разъезжаться по домам. Ни о каком пикнике речь уже не шла. Вовка снова загрузил нас в салон и повёз обратно в Киев. Я хваталась за голову, морщилась и говорила Андрею, что у меня от переживаний поднялось давление. Вовка костерил Женьку, а та оправдывалась.

— Ну чего, чего ты полезла под сиденье?

— Прибраться в салоне хотела...

— Прибиральщица! После твоей уборки меня самого убрать могут!

— Так я же не думала...

— Вот то-то и оно!

За перебранкой время пролетело незаметно. Не успела я оглянуться, а уж вот он и родной подъезд. Здравсьте, приехали!

Я извлекла себя из машины и проникновенным голосом сказала:

— Не отчаивайся, Вова. Мы постараемся тебе как-нибудь помочь.

— Да уж, — ощерился Вовка. — Вы, бабы, поможете... На тот свет попасть!

— Не плюй в колодец, пригодится воды напиться, — посоветовала Женька.

Напоминание о воде и о колодце, то есть о кринице, окончательно взбесило незадачливого курьера, и тут он выругался витиевато, длинно и совсем уж непечатно. Всю душу вложил. Женька в ответ на это подхватила наши сумки, громко хлопнула дверцей и гордо пошла вслед за мной, всем своим видом показывая, что с этим хамом никуда не поедет. Робкие попытки Андрея помочь ей с сумками она пресекла одним царственным движением бровью.

Дома мы, закрывшись на все замки, тут же извлекли барсетку и стали пересчитывать деньги. Их оказалось всего-то шесть тысяч долларов. Мы обе скривились.

— И из-за такой малости он ругал меня всю дорогу! Куча денег, говорит... Убьют, говорит...

— Да, мелкогато плавает этот Вован, —

вздохнула я. — Жалко, шейх из рук выскользнул. И чего ты поспешила уйти? — упрекнула я подругу.

— Ушла я, потому что он меня попросту выставил. Да и не шейх он вовсе, а просто бизнесмен средней руки.

— И вообще он уже в своих Эмиратах, что ж теперь жалеть, — подвела я черту.

Деньги мы поделили поровну, после чего я посоветовала Женьке съездить к Вовану, чтоб утешить.

— Ты думаешь, ему сейчас до моих утех? — удивилась она.

— При чём тут утех? — ответно удивилась я. — Ты теперь постоянно должна крутиться рядом. Узнаешь, где он собирается взять деньги на покрытие долга. А может, ему снова дадут подобное поручение.

— Это вряд ли, — покачала головой Женька. — После такого случая...

— Ну, может, поручение дадут кому другому, а он в охране поедет. Я хочу через Вована скачать как можно больше. А для этого тебе надо стать его тенью и держать ушки на макушке.

— Слушай, если мы ещё раз его кинем, он же может догадаться. Вовчик хоть и глупый, но со второго раза даже он поймёт.

— При чём тут Вовчик? — вздохнула я. — Тренируй извилины. Учю тебя, учу... Кто такой

Вовчик? Курьер, пешка, шестёрка. Его солидные люди держат на побегушках. Для них несколько тысяч баксов — вообще не деньги, раз они позволили ему ехать без охраны, в компании девиц. Представляешь, какими деньгами они ворочают? Вован этот, арифмометр хренов, до столька и считать не умеет. Наша задача — подобраться к этим людям как можно ближе.

Генриетта замороженно смотрела на меня, и я видела, как в её зрачках прыгают семизначные числа.

— Так что езжай, подруга, к своему другу и зализывай его душевные раны.

Женька пребывала в прострации. После моего наказа она послушно, как биоробот, встала и ушла. Молча. Конечно, чтобы сполна осознать масштаб задуманной мною авантюры, ей потребуется какое-то время.

Ушла она очень вовремя. Только я успела продукты из сумки выложить в холодильник, явилась Лидия Ивановна, мама Стеллы.

— Ну, как ты тут? Не голодаешь?

Я молча открыла холодильник. Полки ломились.

— Куда тебе столько? — подивилась Лидия Ивановна.

— Женька притащила. Она уверена, что от

обжорства кости срastaются быстрее.

— Женя — хорошая девочка, — похвалила Лидия Ивановна. — А я тебе с дачи гостинчиков привезла.

Она принялась выкладывать огурчики, помидорчики, ягоды и даже пяток живых раков.

— Сосед каждый день ловит, а у меня теперь есть их некому. Дай, думаю, тебя порадовать.

Мы сварили раков. Вот и пиво пригодилось! И даже хорошо, что безалкогольное. Нам обеим оно — в самый раз. У меня давление (от нервов), у Лидии Ивановны — язва желудка.

За трапезой я рассказывала новости из Крыма, а тут как раз и Стелла позвонила. Лидия Ивановна поговорила и с дочкой, и с ненаглядными внучками, — в общем, отвела душу по полной программе. Разомлела окончательно. Я, глядя на неё, умилилась и от полноты чувств предложила ей заночевать у нас. Слава Богу, она отказалась: «Надо же и свою квартиру проведать», — и уехала к себе. А я снова осталась один на один с телевизором.

На следующий день я обзвонила всех троих и пригласила к себе. Они приехали все вместе: убитый горем Вова, притихшая Генриетта и растерянный Андрей.

Речь свою я начала просто и изящно:

— Я пригласила вас, господа, на военный

совет. — Мужчины смотрели с известной долей скептицизма, но пока молчали. — После вчерашнего происшествия я, понятное дело, ночью спать не могла. Глотала таблетки от давления и думала.

Во время такой речи хорошо бы мерить комнату твёрдыми шагами, но моим шагам излишнюю твёрдость и неуклюжесть придаёт гипс, поэтому я вынуждена была произносить речь, сидя (точнее, совсем утонув) в глубоком кресле. Эффект, конечно, был сильно смазан, но что поделаешь?

— И вот что я надумала во время бессонной ночи. — Знали бы они, как сладко я спала на самом деле! — Я придумала... точнее, нащупала... решение проблемы.

Отреагировал один Вован: он подался вперёд, заранее готовый выслушать любую чушь.

Насладившись эффектом, я продолжила:

— Сейчас изложу вам свои соображения, а вы, люди бывалые, знакомые и с миром бизнеса, и с компьютерным миром, на основе моих соображений разработаете план действий. Я ведь всего лишь женщина, к тому же не шибко умная. А вы ребята сообразительные, быстро всё придумаете.

Они заметно подобрались и придали своим лицам исключительную серьёзность. Я едва сдержала улыбку. Ничего-то вы, соколики, без меня не придумаете. Я уже всё придумала и всё за вас

решила. Но мужчины не любят идти на поводу у женщин. Им нравится ощущать себя хозяевами жизни. Если их убедить, что какая-то идея пришла в голову не вам, а им, они тут же разовьют бурную деятельность и покажут бешеную работоспособность. А мне в данной ситуации это и надо.

— Ну... мы... это... всё понятно! А Женьку зачем позвала? — с наглой рожей заявил Вован.

Злится. Не может простить ей вчерашнего головотяпства.

— Женя — мой всегдашний оппонент. Если я вдруг начну уноситься мыслью в заоблачные выси, она вернёт меня на землю.

Враньё это, конечно, самое беззастенчивое. Никогда Женька не была мне серьёзным оппонентом, но надо же было мне расставить акценты!

Щёлкнув таким образом Вовку по носу, я задумчиво сказала:

— Сколько денег нам надо достать? Ну, в барсетке этой злополучной сколько было?

— Двадцать тысяч баксов! — даже не запнувшись, выпалил Вован.

Мы с Женькой обменялись взглядами по касательной. А вот за враньё мы тебя, мальчик, снова накажем.

— Да-а, сумма серьёзная, — покачал головой

Андрей. Он действительно ничего не знал! — Мы уже с ним так и эдак прикидывали — не набирается столько. Машина у него только с виду красивая, а на самом деле — старая рухлядь. За неё больше десятки никто не даст. А если продавать по-срочному, так пять тысяч за счастье покажутся.

— А квартира? — пискнула я из недр своего кресла.

— А квартира вообще не его, а родителей. Просто родки теперь зимой и летом на даче обретаются: к земле их, видите ли, на старости лет потянуло. Но квартиру продать не позволят.

— А сына без головы оставить позволят? — удивилась я.

— Да они ж ничего о моих делах не знают, — вскинулся Вовка. — И узнать не должны. Я для них — скромный труженик со средней зарплатой. А узнают о таких деньгах — бросят свои грядки, вернутся в город и сядут мне на шею. Ещё не хватало!

Да-а, жаден ты, дружок, патологически. Что ж, придётся продолжить лечение.

— Тогда остаётся один выход: брать банк, — грустно, но твёрдо сказала я.

— Чего-о-о?... — проблеял Вовик.

Андрей хмыкнул:

— Ты хочешь, чтобы мы с Вовкой банк ограбили? Вдвоём?

— Почему вдвоём? С моей помощью.

— А-а, это помощь серьёзная, — закивал Андрей, окидывая взглядом то мою щуплую фигуру, то мой гипс. — Это круто меняет дело.

— Зря иронизируешь. Чтобы бомбануть финансовое учреждение, совсем не обязательно в чёрных масках лезть по канализационным трубам.

— А что, зайдём с парадного входа?

— С самого парадного. С компьютерного.

У Андрея вытянулось лицо. Он всё понял, и от испуга у него на лице даже загар пропал. Щёки стали белоснежные, а губы — как волосы. Платиновые.

— Сдрейфил, да? Предложи план получше. Или хочешь бросить друга в беде?

Андрею было в самом деле нехорошо. Женька это поняла раньше меня, засеменила на кухню, налила стакан минералки и поднесла перепуганному Андрею, участливо заглядывая в глаза:

— Может, валерьяночки? Или валидольчику?

Андрей в три глотка осушил стакан и откинулся на спинку дивана. Смотреть на него было больно. Я уже жалела, что втравила его в это дело, но отступать-то я не привыкла. И позволить Андрею выйти из игры я не могла. Ведь он был моим главным инструментом в достижении намеченной цели!

Женя хлопотала над Андреем, а Вован поворачивался то к ним, то ко мне, хлопал глазами, потом взмолился:

— Да объясните вы, что происходит!

Я объяснила:

— Тебя, дурака, спасаем!

— Я не дурак, — насупился он.

— Ага, — согласилась я. — Ты не дурак. Ты кретин и обалдуй. А был бы ты умный, не подводил бы друга под статью.

— Под какую статью?...

— Послушай, Володя, — я выбралась из мягких глубин кресла и села на стул, чтобы он лучше меня видел. — Тебе надо вернуть хозяину крупную сумму. Но денег таких у тебя сейчас нет. И взять их неоткуда. Я предлагаю, чтобы твой друг, компьютерный гений, снял деньги со счёта какого-нибудь банка...

— ... и сел в тюрьму, — закончил мысль Андрей.

— Нет, Андрюха страдать не должен, — решительно мотнул головой Вован.

Я пожала плечами:

— Тогда пострадаешь ты. Я, конечно, не знаю, что с тобой сделают, но уж в покое точно не оставят. Дней-то тебе сколько отпустили?

— Десять. Девять уже осталось, — сокрушённо вздохнул он.

Впрочем, раздумывал недолго. Положив на одну чашу весов благополучие Андрея, на другую — своё собственное, он сделал правильный выбор.

Робко подняв глаза на друга, он, прокашлявшись, спросил:

— Ну, Андрюха, чего?... Ты как думаешь?...

От Андрюшиной красоты не осталось и следа. Это был бледный, потерянный человек с блуждающим взглядом. Женька (умница!) снова принесла ему воды, теперь уже с запахом валерьянки. Когда он пил, руки его заметно дрожали и зубы предательски цокали о край стакана. Но я поняла главное: он согласен! Иначе чего б ему было так колотиться? Отказался бы — и вся недолга!

Пока я раздумывала, что же его подвигло на авантюру — желание помочь другу или желание понравиться мне, — Андрей пришёл в себя и уже почти спокойно посмотрел мне в глаза:

— Как ты это представляешь себе практически?

Я пожала плечами:

— Ты же у нас гений, не я... Тебе лучше знать.

— Но я никогда не занимался хакерством!

— Всегда что-то случается впервые... — повторила я свою любимую присказку.

— Нас ведь вычислят.

— А мы купим подержанный компьютер, хакнем банк, заберём денежки, а компьютер разобьём и обломки утопим в Днепре. Он, как известно, широк и могуч, следы преступления спрячет надёжно.

— Нина, ты не понимаешь, тут важен не сам компьютер как коробка, а важен его Интернет-адрес, важен номер телефона, с которого в Интернет заходишь...

Всё, он уже в деле!

— Ну, сделаю я это, отдам Вовке деньги, а сам в тюрьме сидеть буду? За его паршивые двадцать тысяч... — продолжал сомневаться мой красавец.

— Почему за двадцать? Ему — двадцать, и тебе — двадцать. Чего тебе задаром рисковать?

— Час от часу не легче! За большую сумму и срок, поди, большой дадут? — прикидывал Андрей, глядя в окно, но чувствовалось, что мысль ему вообще-то приглянулась.

Потом он надолго замолчал. Мы тоже притихли, чтобы не мешать его мыслительному процессу.

Через какое-то время он снова ожил:

— Ну, и с какого компьютера мне «идти на дело»? С какого телефона? С твоего?

— Ни в коем случае! — ужаснулась я. — Вот и помогай после этого людям, — пожаловалась я

подруге, и она два раза вздохнула: сочувственно — в мою сторону, и осуждающе — в сторону мужчин.

— Из офиса? — продолжал прикидывать Андрей. — Через прокси-сервера?... Всё равно, рано или поздно, нашу контору вычислят...

— А что, если это сделать из Интернет-кафе? — робко подала я голос. — Вон их нынче сколько развелось...

Андрей озадаченно посмотрел на меня и тут же расцвёл в улыбке:

— Ум-нич-ка!

На вопрос «откуда?» ответ был найден, и все как-то сразу оживились. Теперь предстояло ответить на вопросы «когда?» и «каким образом?».

— В Интернет-кафе пойду один.

— Почему один? — удивилась я. — Давайте все вместе пойдём.

— Смысла нет. Вы же ничем не поможете, только отвлекать меня будете. К тому же одиночка меньше в глаза бросается. Оплачу два компьютера, — продолжал рассуждать Андрей.

— Зачем два? — решил поучаствовать в обсуждении Вова.

— Первый будет создавать в сети шумиху, его система охраны выбросит, а второй под его прикрытием тихой сапой пролезет. Слушай, Вовка, ты же полный лох в компах! Усохни, не мешай тебя спасать, — разозлился Андрей.

Мы с Женькой укоризненно глянули на виновника. Бедняга совсем стушевался, даже голову в плечи втянул.

— Итак, захожу я в систему, снимаю двадцать тысяч баксов. Пардон, сорок.

— Восемьдесят, — поправила я. — А лучше уж сразу сто.

Мальчики синхронно выкатили глаза, и я прочла в них немой вопрос.

Я объяснила, скромно потупившись:

— Вы о нас с Женей забыли.

— Чего-о? — взвился Вовка. — А вы-то тут при чём?

— Вот те раз! — расстроилась Генриетта. — Ниночка такую деятельность развернула по твоему спасению, чуть до гипертонического криза не дошла, а ты в благодарность за это бортануть её хочешь? Сам-то ради себя, любимого, палец о палец не ударил!

Я сидела молча, картинно держась за якобы разболевшуюся голову. Самой-то себя хвалить неудобно. Для этого у меня есть верная подруга.

Вован, набычившись, мотнул головой в мою сторону:

— Ну ладно, Нинке хоть за дело... А тебе, злыдня, за что деньги давать? За то, что так мне удружила?

Я, не отнимая руки ото лба, гордо

выпрямилась на стуле:

— Или так, или никак. У нас с Женей всё всегда пополам — и горести, и радости. А не хотите по-нашему, можете дальше сами выкручиваться.

В принципе, в этот момент Андрей мог бы заявить о своём выходе из предприятия, и моя авантюра рассыпалась бы в пыль. Я очень этого боялась. Но, видимо, мысль о двадцати, вернее, уже о двадцати пяти тысячах кружила ему голову и не давала пойти на попятный.

Я подлила масла в огонь:

— Надеюсь на вашу порядочность, я подсказала вам, где эти деньги можно умыкнуть. Но их мало увести со счёта, их ещё в руки получить надо. Может, вы знаете, — как?

Багровый от стыда и злости Вовка, глядя в пол, помотал своей бестолковой башкой: нет, дескать, не знаю.

Андрей же протестующе поднял руки:

— Моё дело — взломать систему. Остальное — не моя забота.

— А чья? Выходит — моя?

— Выходит... — пробубнил Вова.

Я торжествующе улыбнулась:

— А у меня, представьте, и рояльчик в кустах припасён. То есть могу предложить готовую схему. А теперь считаем. Я придумала, где деньги взять — раз. Придумала, откуда влезть в систему, чтобы не

оставлять следов, — два. Я же расскажу вам, как электронные деньги перевести в наличные, — это три. Выходит, в этой афере будут задействованы мои мозги и Андрюшины руки. Ну, и его компьютерные познания. Вот и получается, Вовик, что бабки мы с Андреем делим пополам, по-честному. А ты, мил друг, из этой схемы выпадаешь. Равно как и Женя. Только я-то своей долей с ней поделюсь, и это уж не твоя забота. А вот поделится ли с тобой Андрей — это у него спросить надо.

Не ожидавший такого поворота Андрей растерялся:

— Так... это... из-за Вовки же всё затеваем!

— Ты, Андрюша, честный, как юный пионер. Даже плакать хочется. Объясни своему жадному другу, что с друзьями принято делиться не только горем, но и куском хлеба.

— Я всё понял. Молчу и выполняю команды, — спешно вклинился Вовка.

А-а, испугался? То-то же! Я продолжила:

— Теперь — схема обналички. Есть у меня на примете один дедушка. С виду настоящий бомж, однако проживает в собственной квартире, имеет паспорт и прописку, получает пенсию, — всё честь по чести. Пенсии, насколько я знаю, ему хватает на неделю весёлой жизни, а в оставшиеся три недели он за бутылку готов на любое преступление.

Дальше, Вова, на сцену выходишь ты. Слушай внимательно! — Он весь подобрался. — Твоя задача: придать дедушке культурный вид, пройтись с ним по инстанциям. Откроешь ему валютный счёт в приличном банке. Общаться с ним будешь только ты. Я прикована к дому, а Генриетта — дама запоминающаяся, её светить опасно. Тебя же он даже через день вряд ли узнает, а через неделю забудет о твоём существовании. Как только с дедом и валютным счётом всё утрясётся, Андрей идёт на ночь в Интернет-кафе, делает свою часть работы. Ты, Вова, в эту знаменательную ночь ночуешь у дедули, блюдёшь его трезвость, а утречком, к открытию, гонишь его в банк, дед снимает баксы, отдаёт тебе, ты покупаешь ему ящик водки — и был таков.

— А вдруг на деда выйдет милиция? — испугался Андрей.

— Сердобольный ты мой! Ну выйдет, ну и что? Его ведь даже допросить — большая проблема. Он же трезвым не бывает в принципе. А получив ящик водки, он не отойдёт от него, пока весь не уговорит. После этого, я думаю, он собственное имя не скоро вспомнит. Дверь в его квартиру замка не имеет, паспорт всегда лежит в ящике кухонного стола, так что пользоваться им в отсутствие хозяина может любой. Да только почему-то мне одной пришло это в голову.

Женька вся лучилась, сияла глазами и улыбкой, глядя на меня с любовью и гордостью, как квочка на любимого цыплёнка.

Я закончила сольное выступление и даже слегка поклонилась, не вставая со стула. Жалко, что никто не догадался поаплодировать, — я вполне заслужила.

Поскольку от начала заседания прошло уже много времени, мы вдруг ощутили, что голод — не тётка, и гуськом, дыша друг другу в затылок, потянулись в сторону кухни. То, что не пригодилось вчера для пикника, пригодилось сегодня для обеда.

Сам обед проходил как-то странно. Вовик был нетерпелив (мысленно уже бежал к деду). Андрей — тих и задумчив. Я скромно сидела в своём уголке, не поднимая глаз от тарелки. Женька сновала по кухне с ножом и поварёшкой, весело напевала и потчевала нас, как заправская трактирщица.

После обеда я продиктовала Вовке дедов адрес, и они с Андреем удалились.

Женька мыла посуду и посмеивалась:

— Нет, ты видела их лица в начале разговора? Как они серьёзность изображали? Челюсти сжали, брови насупили — умора!

— И не говори, — вздохнула я. — Так и хотелось им напомнить: «Умное лицо, господа, ещё

не признак ума!».

— Чего ж не сказала?

— Могли обидеться и не пойти на контакт. Я не могла так рисковать.

— Слушай, а что это за дед такой таинственный?

— Дед именно таков, каким я его описала. Когда деньги кончаются, он заходит к нам в редакцию, берёт газеты на реализацию, потом в переходе их продаёт. Но мальчикам нашим об этом знать не обязательно. И дедушке совсем не обязательно видеть связь между мной и Вовкой. Всё это — военная тайна. Ясно?

— Молчу, как рыба об лёд!

Вовке, видимо, жить очень хотелось, а дармовых денег хотелось еще больше, поскольку со своим заданием он справился на удивление быстро. Я этому от души порадовалась, поскольку долгое ожидание могло отпугнуть Андрея. Но всё прошло как по маслу. Я, честно говоря, даже не ожидала такой лёгкости исполнения.

Когда Вовка ввалился ко мне домой в середине дня, мы с Женькой находились в полуобморочном состоянии, а Андрей, проведший ночь в Интернете, после этого так и не смог уснуть, сколько я его ни уговаривала, и теперь был близок к истерике. Каждая минута ожидания казалась нам

годом.

И вот наконец-то Вовик влетел в квартиру, запер дверь на задвижку, расстегнул сумку и перевернул её вверх дном. К нашим ногам упали аккуратные пачки долларов.

— Ну, и зачем это? — Я так нервничала, что меня раздражала любая мелочь, тем более глупость.

— В кино видел. Там, когда много денег, люди обязательно усыпают ими всю комнату. Я тоже так хотел, да забыл, что они в пачки собраны.

Я покачала головой:

— Чем бы дитя ни тешилось... Ничего, сейчас пересчитывать будем, пачки разорвём, — набросаешься вволю. Развлекайся! Я потом их веником смету.

Денег оказалось ровно сто тысяч, без обмана и обчёта со стороны банка. Сумма пьянила.

Для укрепления нервов Женя принесла нам аперитив. Мы с ней пригубили, а ребята выпили по полной и тут же налили по второй. Вовик взхлёб вспоминал, как он обхаживал деда, как катал его на своей машине до банка и обратно, как, забрав деньги и выгрузив деда и водку, долго петлял по городу, проверяя, нет ли «хвоста».

— Ты в шпионов игрался, а мы тут с жизнью прощались. Думали, тебя менты замели-и-и... — зарыдала Генриетта и бросилась любимому на грудь.

Чтобы разрядить обстановку, я пригласила всех отобедать. Накрывая на стол, спохватилась:

— Жень, а хлеба-то нет! Сбегай по-быстрому, а?

— Я сбегаю! — подхватился Вовик.

— И я могу! — вызвался Андрей.

Наши рыцари чуть не передрались за это почётное право, но я их утихомирила:

— Сидите спокойно. Вы оба сегодня — герои дня. Именинники!

— А я с удовольствием проветрюсь, воздуха глотну, — добавила Женя.

Я провела её до дверей и дала большой пакет для хлеба. В пакете лежала маленькая вещица.

Когда хлеб прибыл, мы весело отобедали. А некоторые даже чересчур весело: бутылку коньяка на двоих! Мы с Женькой осуждающе качали головами, но молчали. Героям дня замечания делать не принято.

Потом Вовик резко засобирался домой, сладко улыбаясь Женьке:

— Поедем, моя красавица, устроим ночь любви! Сегодня весь мир принадлежит нам!

— Нет, Вовик, не могу. Я себя... ну, в общем, плохо чувствую сегодня.

— Эх, вечно ваши бабские проблемы! А меня как раз сегодня тянет расслабиться...

— Да ты и так слабый, на ногах еле

стоишь! — не удержалась я. — Ты, Андрюша, за ним приглядывай, как бы на гаишника не нарвался...

— П-пригляжу, — кивнул ещё более пьяный Андрюша.

— Да, и вот ещё что. Деньги сегодня вам лучше с собой не брать. Вы оба нетрезвые, любой милиционер вас обидеть может. И деньги отберут, и ниточка может потянуться: что да как, где взяли? В банке-то ограбленном, поди, уж хватились пропажи, ищут. А тут вдруг вы — как на блюдечке.

— Да, сегодня рисковать не надо, — согласился Андрей, пытаюсь одновременно и равновесие удержать, и что-то сообразить.

— Как, я не заберу сегодня свои деньги? — пьяно удивился Вован. — Мне же долг вернуть надо!

— Дурачок ты мой пьяненький, — разлохматила ему причёску Женька. — Пара дней у тебя ещё есть, вот и пользуйся! Делай вид, что усиленно ищешь деньги. А насчёт сегодняшнего дня Нина верно говорит. Отберут у тебя, пьяного, права — это полбеды, выкупишь. Но если отберут и права, и деньги, да ещё и подозрение навесят — это катастрофа.

С этим доводом Вовик согласился.

Они ушли, а мы с Женей подошли к окну, провожая взглядом их машину, которая выезжала

из двора на проспект. Через пару секунд я нажала кнопку на дистанционке. Взрыв, на мой взгляд, получился слишком мощный. Хватило бы и половины. Но теперь уж не исправишь.

Женя перекрестилась и вздохнула:

— Не жалко? Смотри-ка, рука не дрогнула... Вовка, конечно, дурак и сволочь, ему поделом. А Андрюшка вроде неплохой парень. Был...

— Жалко, конечно, — ответила я. — Но что делать?

— Можно было бы убрать одного Вовку. Позже...

— Когда позже? Милиция у нас только в анекдотах бестолковая. А этот недоумок и рожу свою, и тачку везде засветил: и в банке, и у деда во дворе. Дед его хорошо запомнил. Соседи опять же... Андрей мог в компьютерных делах наследить, но теперь их обоих нет. А мы-то с тобой чисты, аки стёклышки! И к ограблению банка не имеем ни-ка-ко-го отношения. И что самое приятное — все деньги остались у нас. На два делить лучше, чем на четыре.

С этим Женька не могла не согласиться. Мы ещё раз с удовольствием пересчитали деньги и поделили их поровну.

Немного поколебавшись, я решила:

— Жень, а ведь бомбу-то мне Андрюша дал.

— Иди ты! — не поверила она.